

УРАНОВЫЙ ПРОЕКТ: АВАНТЮРИЗМ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ

После поражения Германии во Второй мировой войне и применения американцами ядерного оружия в Хиросиме и Нагасаки, «чтобы, – как сказал Г. Трумэн, – побыстрее закончить войну и выполнить свои обязательства» [1, 18], в научной литературе развернулась полемика о моральной ответственности учёных за результаты своих работ. Особое место в ней занял вопрос об участии немецких учёных в ядерных исследованиях, которые осуществлялись в рамках так называемого «Уранового проекта». И не только потому, что он лежал в сфере профессиональной этики, но и потому, что породил гипотетическую проблему: чем бы все закончилось, если бы Германия получила атомную бомбу до 1945 года?

Атомный проект Германии не состоялся, но стремление оценить истинные мотивы и практические шаги ученых Рейха актуально и 60 лет спустя.

В 1942 г. Гитлер поставил своего друга архитектора А. Шпеера во главе военной промышленности Третьей империи, которая под его руководством поставляла на фронт непрерывным потоком самолеты, танки, снаряды. Во время Нюрнбергского процесса теперь уже военный преступник Шпеер рассказал и о своих усилиях форсировать подготовку атомного оружия.

Деление ядра впервые было открыто в лаборатории немецкого физика О. Гана. Этим открытием заинтересовались крупные монополистические объединения. Так, директор Физического института Г. Гофман получил письмо (19 января 1938 г.), в котором председатель президиума фирмы «Сименс и Гальске» писал, что фирма с особым вниманием следит «за сообщениями о циклотронах, публикуемыми в литературе, и результатами, достигнутыми в связи с этим в области ядерных исследований» [2, 41].

Позднее сотрудник Химического института Общества кайзера Вильгельма З. Флюгге недвусмысленно высказался о возможности создания атомного оружия. В июне 1939 г. он опубликовал статью «Возможно ли техническое использование энергии атомного ядра?», где говорил об огромной мощи и взрывном характере ядерных реакций. Автор не то упрекал, не то предупреждал, что в мире скоро появится новый фактор, влияющий на политику, экономику, на всю общественную жизнь [2, 223]. Этим фактором была атомная энергия. И не оставалось сомнений, что физики, оставшиеся верными Гитлеру, надеются использовать его в своих интересах. По утверждению академика А. П. Александрова, «немецкие ученые были первыми, кто начал работы по созданию атомной бомбы» [3, 5].

Гитлеровская Германия в 1939 – 1941 гг. располагала соответствующими экономическими условиями для создания атомного оружия: она имела необходимые производственные мощности в химической, электротехнической, машиностроительной промышленности и цветной металлургии. У неё были также финансовые средства и материалы общего назначения, располагала она и достаточными знаниями в области физики атомного ядра, имела таких учёных с мировым именем, как О. Ган и В. Гейзенберг.

24 апреля 1939 г. имперское военное министерство Германии получило письмо за подписью профессора Гамбургского университета П. Хартека и его сотрудника доктора В. Грота, в котором указывалось на принципиальную возможность создания нового вида высокоэффективного взрывчатого вещества. В конце письма говорилось, что та страна, которая первой сумеет практически овладеть достижениями ядерной физики, приобретает абсолютное превосходство над другими. Это был уже не единственный и не первый сигнал. К этому времени был проведён ряд совещаний и встреч с учёными.

В августе 1939 г. военное руководство гитлеровской Германии заинтересовалось ядерными исследованиями, возможностью применить атомное оружие в своей борьбе за мировое господство. Для рассмотрения способов решения атомной проблемы Управление армейского вооружения в сентябре 1939 г. собрало осведомлённых учёных. На совещании присутствовали: профессор П. Хартек, физик Г. Гейгер, З. Флюгге, статья которого так встревожила Запад, профессор И. Маттаух, который был приглашен для работ на «урановой» машине, и ряд видных немецких физиков: Э. Багге, В. Боте, К. Дибнер и Г. Гофман. Были приглашены В. Гейзенберг — лауреат Нобелевской премии за работы в области квантовой механики, и молодой К. Вайцзеккер. Существо задачи изложил один из руководителей Управления, председатель совещания Ваше. Он сказал, что с учётом полученных из-за рубежа сведений необходимо наметить план производства оружия нового вида. Участники совещания одобрили поставленную задачу, так как на этом этапе они не предвидели больших трудностей в решении проблемы.

Осуществление программы было возложено на Физический институт Общества кайзера Вильгельма, Институт физической химии Гамбургского университета, Физический институт Высшей технической школы (Берлин), Физический институт медицинских исследований (Гейдельберг), Физико-химический институт Лейпцигского университета и другие научные учреждения. Вскоре число институтов, занятых основными исследованиями, достигло 22. Основной целью ядерных исследований Уранового проекта являлось создание атомного оружия. Все работы, имевшие прямое отношение к урановой проблеме, засекречивались.

Разработка теории атомного реактора — в Германии его называли «урановой» или «тепловой» машиной — позднее была возложена на профессора В. Гейзенберга. В отчёте «Возможность технического получения энергии при расщеплении урана», напечатанном в декабре 1939 г., он подытожил результаты работ Бора, Ферми, Сциларда и других учёных и привёл главные параметры и конструктивные особенности атомного реактора.

К началу 1940 г. немецкие учёные убедились в необоснованности своего оптимизма в вопросе быстрого осуществления цепной ядерной реакции. Но в середине 1940 г. теоретическое рассмотрение процессов привело К. Вайцзеккера к открытию нового элемента, который он назвал окаосмий. Теперь его называют плутонием. Вайцзеккер сообщил об открытии военным властям и оформил патентную заявку. Теперь немецкие ученые имели полное представление о возможности получения плутония и уяснили возможность создания плутониевой бомбы. Факт подачи патентной заявки Вайцзеккером говорит о том, что немецкие учёные нисколько не скрывали от военных властей известные им способы создания атомного оружия. То же самое можно сказать о Ф. Хоутермансе, который несколько позже Вайцзеккера пришёл к той же концепции плутония.

Гейзенберг подверг обстоятельному разбору все варианты возможного развития Уранового проекта и разработал план мер, необходимых для создания атомного оружия в Германии. Его мысли были сформулированы в записке от 27 ноября 1941 г., которую по праву можно назвать «Программой Гейзенберга».

С 26 по 28 февраля 1942 г. в Берлине состоялось еще одно совещание участников ядерных исследований, крупнейшее за все время существования Уранового проекта. Первым стоял доклад Э. Шумана «Ядерная физика как оружие». Заканчивалось это совещание докладом А. Эзау «Расширение масштабов работ в области ядерной физики с привлечением правительственного аппарата и промышленности». На совещание были приглашены: министр просвещения Руста, рейхсмаршал Г. Геринг, фельдмаршал В. Кейтель, министр вооружений и боеприпасов Шпеер и даже шеф гестапо Г. Гиммлер с руководителем партийной канцелярии М. Борманом. Ган, Гейзенберг, Боте и Хартек познакомили присутствующих с перспективами своих работ. Учёные готовы были воплотить в жизнь поручение армии и указывали способ создания оружия.

4 июня 1942 г. имперским министром вооружения и боеприпасов А. Шпеером, по рекомендации руководителя вооружения армии генерал-полковника Ф. Фромма, было созвано новое совещание.

Взгляды учёных к этому времени не изменились: они с прежней энергией трудились над осуществлением намеченной программы — созданием атомного оружия, но, сталкиваясь с финансовыми и организационными трудностями, они более осторожно оценивали перспективы исследования.

Совещание отличалось от теоретической конференции, прошедшей в феврале 1942 г., своим составом и целями. Председательствовал имперский министр вооружения и боеприпасов Шпеер. Среди присутствующих были представители всех родов войск: фельдмаршал Э. Мильх, генерал Ф. Фромм, адмирал Витцель, прямой заказчик ядерных разработок начальник Управления армейского вооружения генерал фон Лееб. Учёных представляли В. Гейзенберг, О. Ган, К. Дибнер, П. Хартек, К. Вирт и другие.

В то время Германия уже начала испытывать военный и экономический кризис. Военные и политические руководители Германии после лёгких побед в Польше, Норвегии и Франции считали военный успех в Европе предрешённым. Первые месяцы войны против СССР, казалось, подтверждали правильность этой оценки. Однако разгром немецких армий под Москвой выявил крупный стратегический просчет гитлеровского руководства, вызванный недооценкой сил СССР. Уже в начале 1942 г. министр снабжения Тодт докладывал фюреру об огромных экономических трудностях Германии. В Германии срочно пересматривали планы производства вооружения. Был издан приказ: осуществлять лишь те разработки, которые могут дать эффект в ближайшем будущем. Нужно было найти решение вопроса о проведении ядерных исследований.

На совещании докладывал Гейзенберг, как научный руководитель Уранового проекта. Были указаны варианты применения атомной энергии и обсуждена перспектива получения взрывчатого вещества.

Доклад произвёл сильное впечатление. Но Шпеер вынудил Гейзенберга высказаться точнее о сроках. Гейзенберг ответил, что научное решение не составило бы трудностей, но решение производственно-технических проблем займёт не менее двух лет и то при условии, если каждое требование учёных будет выполняться. Хотя решение об интенсивном развитии Уранового проекта принято не было, Шпеер оказал проекту поддержку.

В 1969 г. Шпеер писал, что его якобы не устраивал названный Гейзенбергом срок. Подлинной же причиной было неверие военных властей в осуществимость планов о создании атомного оружия, предложенных учёными [5, 165]. Шпееру в 1969 г. не хотелось сознаться в своей недалёковидности в 1942 г., вот он и ссылался на сроки, желая объяснить свои половинчатые решения.

23 июня 1942 г. Шпеер докладывал Гитлеру о мерах по обеспечению армии вооружением. Именно тогда Гитлер впервые получил более или менее конкретную информацию о планах создания атомного оружия: Шпеер сообщил ему, что для этого потребуется не менее пяти лет, но не указывал точно, что оно будет собой представлять и какова будет его разрушительная сила [5, 201].

В марте 1943 г. работы по Урановому проекту были переданы в ведение Имперского исследовательского совета; при этом полностью сохранилась преемственность целей, ранее поставленных перед учёными главным командованием армии. А учёные продолжали систематически информировать военное руководство о ходе работ.

8 мая 1943 г. руководитель планового управления Имперского исследовательского совета В. Озенберг в связи с получением соответствующих разведывательных данных из США докладывал Г. Герингу, что и в Германии проводится работа над созданием урановой бомбы.

В ноябре 1944 г. В. Герлах, последний руководитель ядерных исследований в Имперском исследовательском совете, писал руководству об активности работ в Германии над атомной бомбой. Но учёные Германии так и не успели создать свою бомбу до окончания войны [2, 214].

В процессе расследования гитлеровских преступлений против человечества обсуждался вопрос об отношении немецких учёных к целям и задачам Уранового проекта.

Надо отметить, что после сообщения о взрыве американской атомной бомбы над Хиросимой немецкие учёные-атомщики выступили с коллективным заявлением. Они писали, что трудились над применением атомной энергии для приведения в движение различных машин. В 1946 г. В. Гейзенберг выступил с таким же утверждением. Он заявил, что в Германии не предпринимались попытки создать атомную бомбу. Он объяснил это рядом технических, экономических причин и психологическим настроением фашистской верхушки, ожидавшей ещё в 1942 г. победного окончания войны и поэтому препятствовавшей началу крупных разработок, которые не обещали быстрых и осязаемых результатов.

Р. Юнг в книге «Лучи из пепла» писал, что немецкие учёные не ставили своей целью добиться успеха в работе по созданию атомной бомбы, они пытались отвлечь внимание нацистских властей от атомной бомбы, не сообщали военному руководству о возможности получения ядерного взрывчатого вещества [8, 67]. Юнг предполагает, что Гейзенберг, Вайцзеккер, Хоутерманс, и, по меньшей мере, десять других известных германских физиков, вели тактику задержки и промедления. Их общая линия, по словам Юнга, заключалась в том, чтобы ни единым словом не напоминать высокопоставленным персонам об атомной бомбе [8, 64].

Некоторые другие исследователи также высказывают предположение, что немецкие учёные не хотели давать в руки Гитлера атомное оружие. Так, С. Гудсмит в книге «Миссия Аллсос» высказывает такое же предположение, говоря о работах М. фон Лауэ и О. Гана [9, 89]. Р. Кларк в книге «Рождение бомбы» отмечает слова М. фон Лауэ: «Если кто не желает сделать открытия, он его не делает» [10, 134].

Но известны и другие высказывания. Д. Ирвинг («Вирусный флигель») [7] считает ошибочным мнение, что немецкие учёные намеренно не работали над атомной бомбой. Сам бывший министр вооружения и боеприпасов Германии А. Шпеер в своих воспоминаниях утверждает, что предложение о создании атомной бомбы шло от физиков [5, 193].

Поэтому рассуждения Юнга о том, что немецкие учёные проводили работы по использованию энергии атома лишь в мирных целях, что они скрывали результаты исследований, опровергаются фактами.

Безусловно, в Германии тех лет царил атмосфера страха и взаимного недоверия. Учёные стремились оградить себя от провокаций. Можно понять, что помыслы о противодействии, если они

и были у немецких ученых, не могли проявиться до капитуляции фашистской Германии. Даже в первые годы после капитуляции Германии ни один немецкий учёный не заявил о своем «пассивном сопротивлении». Лишь в 1969 г. В. Гейзенберг в книге «Часть и целое» по-своему истолковывает отношение немецких учёных к целям и задачам Уранового проекта. Умозаключения В. Гейзенберга в большой мере повторяют выводы Юнга, но не подтверждаются.

Гейзенберг констатирует, что он и Вайцзеккер в сентябре – октябре 1939 г., то есть спустя некоторое время после совещания в Управлении армейского вооружения, решили принять участие в работах по Урановому проекту, с тем, чтобы помешать изготовлению атомного оружия [4, 291]. С этой целью они якобы взяли в свои руки основные участки исследования, «не доверяя его другим людям или случаю» [4, 292]. Заявление Гейзенберга ложно потому, что на первом совещании в Управлении армейского вооружения, где учёные получали задания, он не был, так как еще не привлекался к работам по Урановому проекту.

Гейзенберг пишет, что он и Вайцзеккер приняли решение реже информировать власти о продвижении работ по созданию атомной бомбы. Однако их поступки говорят об обратном. Чего стоят все разговоры о «пассивном сопротивлении», если вспомнить, кто разрабатывал способ получения плутония, кто выступил с предложением о резком ускорении реакторной программы. Нельзя не учитывать и показаний бывшего министра вооружения и боеприпасов Германии А. Шпеера на Нюрнбергском процессе о том, что Гейзенберг в июне 1942 г. говорил о готовности создать атомное оружие в течение двух лет [6, 187].

Всё это позволяет сделать заключение, что утверждение Юнга и Гейзенберга о существовании «идейного сопротивления» немецких учёных созданию атомного оружия в годы Второй мировой войны не соответствует действительности.

Среди учёных-атомщиков и руководителей ядерных исследований было мало членов национал-социалистической партии или лиц, солидарных с фашизмом. Однако, несмотря на это, немецкие учёные принимали активное участие в создании атомного оружия. Здесь уместно обратиться к характеристике личности Вернера Гейзенберга – руководителя Уранового проекта. В его характере соседствовали научный гений и близорукое тщеславие, глубокая человечность и неприятное высокомерие. Стивен Гоудсмит писал, что крайний национализм приводил Гейзенберга во время войны к серьёзным ошибкам: «Он был настолько увлечён идеей о величии Германии, что считал усилия нацистов сделать Германию могущественной более важными, чем их эксцессы». Гейзенберг всегда был убеждён, что Германия нуждается в великом руководстве, и что сам он мог бы быть одним из лидеров. «Придёт день, – говорил он, – гитлеровский режим рухнет, и это будет момент, когда люди, подобные мне, смогут вмешаться» [9, 78].

Нет письменных доказательств, что участники Уранового проекта разделяли милитаристский дух фашистской Германии. Но именно эти идеи согласуются с практическими действиями немецких учёных-атомщиков: настойчивыми усилиями по созданию атомного оружия в условиях недостаточной помощи со стороны властей, фанатичными потугами привести в действие атомный реактор и организовать обогащение урана-235 даже в последние дни войны. В 1944 г. немецкие учёные были готовы к постройке атомного реактора. Основные запасы урана, тяжёлой воды, оборудование для атомных реакторов, а также личный состав лабораторий были эвакуированы на самый юг Германии. Глубоко под землёй, в горах, немецкие физики во главе с Гейзенбергом, Ганом и Вайцзеккером вновь и вновь налаживали работы по сооружению ядерного реактора.

В конце 1945 г. два американских ученых из Ок-Риджа, А. Вейнберг и Л. Нордхейм, сделали попытку выяснить, какого же уровня достигли эти исследования в Германии за период с 1939 по 1945 г. Они пришли к выводу, что за это время немецкие учёные добились несомненного успеха и что эти достижения стали возможны только в результате сотрудничества военных учреждений, промышленных объединений и научных лабораторий [11, 29]. Однако, несмотря на это, цель, поставленная перед Урановым проектом, не была осуществлена: фашистская Германия не стала обладательницей атомного оружия.

Имелись и другие причины, вынуждавшие учёных энергично вести ядерные разработки. Это и стремление некоторых из них избежать службы в армии, и большая материальная заинтересованность: выполнявшие военные заказы получали сверх заработной платы вознаграждение в виде так называемых «пакетов Шпеера».

В гитлеровской Германии все было построено на безоговорочном подчинении низших звеньев высшим. Так было и в науке, в частности в Урановом проекте. Гитлеровское руково-

дство знало об Урановом проекте и санкционировало его осуществление. Оно с самого начала выразило и свое положительное отношение к ядерным исследованиям.

Гитлер был знаком с проектом создания атомного оружия. Он нуждался в новом мощном оружии, однако не смог оценить его перспектив и не принял надлежащих мер к тому, чтобы создать необходимую научную базу для реализации Уранового проекта и ускорить производство атомного оружия. Геринг имел достаточно полное представление об Урановом проекте, считал, что осуществление его нуждается в ещё большей секретности, но и он проявил инертность. Имперское министерство вооружения и боеприпасов и имперское военное министерство проявляли иное отношение к ядерным исследованиям: они были прямыми заказчиками и руководителями Уранового проекта, финансировали и контролировали его работы. Шпеер систематически получал отчёты по проекту и состоял в личной переписке с научным руководителем работ Гейзенбергом. Военное министерство держало под наблюдением работу научных лабораторий.

Вначале эта задача казалась легкой разрешимой. Поэтому и возникло авантюристическое искушение «сотворить» атомное оружие без особого труда. Это был политический авантюризм, проявившийся в неспособности фашистского руководства и самого Гитлера предвидеть изменение стратегического соотношения сил, последствия развязанных войн, развитие науки и техники.

Урановый проект располагал очень умеренными возможностями: не было налажено производство основных материалов, Урановым проектом занимался небольшой круг исследователей. Военно-хозяйственное руководство Германии и учёные-атомщики не смогли оценить чрезмерной трудности поставленной задачи – использования атомной энергии.

Результатом неверного замысла, положенного в основу Уранового проекта, было то, что исследования велись стихийно. Несостоятельность попытки создать атомное оружие незначительными силами первыми поняли учёные. Они настойчиво стали доказывать, что для изготовления ядерного взрывчатого вещества необходимо осуществить большие подготовительные работы. При этом они указывали, что имеют в виду большие средства, новых сотрудников в лабораториях и новых работников в промышленности, увеличение производства основных материалов.

В 1941 – 1942 г. военные власти также порывались изменить свои старые планы развития Уранового проекта. На это были объективные причины – ухудшившееся военное положение Германии: они надеялись поправить его, применив мощь нового оружия. Можно было бы предположить, что такая обстановка послужит толчком для ускорения атомных исследований. Однако поведение военного министерства и министерства вооружения и боеприпасов были диаметрально противоположными.

Военные власти с 1942 г. начинают двойственно относиться к Урановому проекту. Военное министерство рассматривает вопрос об отказе от руководства атомными исследованиями. Но длительное время не принимает никакого решения.

Шпеер после войны заявил, что немецким учёным «ни разу не удалось выйти за пределы примитивных лабораторных экспериментов» [5, 23]. Сказано это было для того, чтобы оправдаться: якобы именно это не позволило ему сделать решающие выводы. Учёные не оценили сложности решения проблемы использования атомной энергии, предприняли попытку создать атомное оружие без фундаментальной научной и инженерной подготовки, небольшими силами и в короткий срок. А это был авантюризм в науке.

Эти внутренние причины, тормозившие немецкие исследования, на первых порах могли быть и преодолены. Но уже с 1943 г. начали действовать новые, внешние факторы. Атаки участников норвежского движения Сопротивления вывели из строя единственный источник получения тяжёлой воды; воздушные налеты дезорганизовали работу немецкой промышленности и нанесли ряд чувствительных ударов по заводам, выполнявшим заказы для Уранового проекта. Наступление советских войск и войск союзников, последовавшая капитуляция фашистской Германии положили конец Урановому проекту.

Но была и ещё одна сторона авантюризма немецких учёных, это – авантюризм нравственного выбора. Еще в 1933 г., т. е. задолго до открытия О. Гана, М. Планк предупреждал Гейзенберга о неминуемой ответственности, которую понесут те, кто примет решение сотрудничать с Гитлером [4, 263]. Позднее Гейзенберг признается: «...Я принял решение остаться в Германии, в Лейпцигском университете и посмотреть (!), куда меня приведёт этот путь» [4, 272]. Гейзенберг и другие члены немецкого «уранового клуба» понимали, к чему приведут исследовательские работы в условиях гитлеризма, но сделали ставку именно на него. Поэтому их послевоенные оправдания, такие, например, как: «...в Германии во время войны не пред-

принималось никаких попыток создать атомную бомбу», (В. Гейзенберг, 1954 год), [4, 330] – не более чем фальшивая исповедь проигравшихся игроков.

1. Дзелепи Э. Секрет Черчилля. – М. Прогресс, 1975
2. Иойрыш А. И., Морохов И. Д. Хиросима. – М.: Атомиздат, 1979
3. Александров А. П. Щит Родины // За рубежом. – 1979. – № 7
4. Гейзенберг В. Физика и философия. Часть и целое. – М.: Наука, 1990
5. Шпеер А. Воспоминания. Пер. с нем. И. В. Розанова. – Смоленск: Русич, М.: Прогресс, 1997
6. Нюрнбергский процесс. Сб. материалов в 8-ми томах / Отв. ред., автор предисловия Рекунков А. М. – М.: Юридическая литература. Т. 7
7. Ирвинг Д. Вирусный флигель. – М.: Атомиздат, 1969
8. Юнг Р. Лучи из пепла. – М.: Иностранная литература, 1962
9. Гудсмит С. Миссия «Алсос». – М.: Госатомиздат, 1962
10. Кларк Р. Рождение бомбы. – М.: Госатомиздат, 1962
11. Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. – М.: Атомиздат, 1964

Малыхіна Л. Ю. (БрДТУ, г. Брэст)

БРЭСЦКІ МІР 1918 г. У ЛЁСЕ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА

Несправядлівы падзел этнічнай тэрыторыі Беларусі па Брэсцкаму дагавору і разгон Першага Усебеларускага кангрэса ў снежні 1917 г. Мінскім гарнізонам ад імя Савета народных камісараў Заходняй вобласці і фронту істотна змянілі настроі дзеячаў беларускага нацыянальнага руху. Пад вырасвальным уплывам гэтых фактараў яны ўсвядомілі, што бараніць цэласнасць і непадзельнасць сваёй Айчыны ім давядзецца самастойна, не разлічваючы на дапамогу Савецкай Расіі, якая была зацікаўлена выратаваннем большавіцкай улады любымі сродкамі і ахвярамі ў карысць суседніх краін, якія прэтэндавалі на беларускую этнічную тэрыторыю. Беларускім гісторыкам неабходна раскрыць у адзіным кантэксце гісторыю падрыхтоўкі і падпісання міру ў Брэст-Літоўску і абвяшчэння першага беларускага ўрада, якія супадалі храналагічна і былі ўзаемаабумоўлены.

Прынята лічыць, што грабежніцкія ўмовы названага дагавору сталі следствам зрыву расійска-германскіх перамоваў наркамам замежных спраў РСФСР Л. Д. Троцкім. Сапраўды, сітуацыя магла скласціся для Беларусі іншым чынам. 22 снежня 1917 г. у Брэст-Літоўску пачала працу мірная канферэнцыя, і ўжо 28 снежня старшыня германскай дэлегацыі Р. фон Кюльман уручыў савецкаму боку аўстра-германскія ўмовы міру, па якіх ад Расіі адрываліся Польша, Літва, Курляндыя, частка Эстоніі і Ліфляндзіі, якія пераходзілі пад пратэктарат Германіі. Мір, заключаны на гэтай стадыі перамоў, мог адвесці ад беларускага краю пагрозу акупацыі тэрмінам у год. Але ж праз тры тыдні – 18 студзеня ўпершыню прагучала патрабаванне аддзяліць ад РСФСР яшчэ і значную частку Беларусі. Ад Расіі ў такім выпадку адыходзілі тэрыторыі агульнай плошчай больш 150 тыс. кв. км.

Сярод большавікоў і эсэраў разгарнулася ўнутрыпалітычная барацьба па пытанню: заключаць дагавор на такіх анексіённых і эканамічна цяжкіх для Расіі ўмовах ці не. Выказанае пры галасаванні сярод членаў ЦК РКП(б) 21 студзеня рашэнне У. І. Леніна – не адцягваючы заключыць мір – пяць разоў большасцю не падтрымлівалася. Больш спрыяльнай ім здавалася прапанова Л. Д. Троцкага спыніць ваенныя дзеянні без падпісвання анексіённага міру з Германіяй і яе саюзнікамі. Гэтая пазіцыя, падтрыманая большасцю галасоў, і была агучана на перамовах 10 лютага, а 16 лютага Германія заявіла аб узнаўленні ваенных дзеянняў. Новы германскі ўльтыматум патрабаваў ад Расіі акрамя пералічаных раней тэрыторый не толькі аддаць поўнасцю Эстляндзію, Ліфляндзію (сучасныя Эстонія і Латвія), яшчэ большую частку Беларусі, але і вывесці Чырвоную Армію з Украіны і Фінляндзіі. Усяго краіна Саветаў губляла каля 1 млн. кв. км. Гісторыя паказала, што рана ці позна пытанне аб самавызначэнні пералічаных тэрыторый ў Прыбалтыцы зноў паўстала б, вось толькі лёс беларускіх зямель ад прынятага Троцкім рашэння не змяніўся – яна ў любым выпадку падзялялася на часткі.